Николай Лесков

Легендарные характеры

Николай Лесков

Легендарные характеры

«Public Domain»
1892

Лесков Н. С.

Легендарные характеры / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1892

© Лесков Н. С., 1892
© Public Domain, 1892

Содержание

I 5
II 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Николай Лесков
Легендарные характеры
Опыт систематического обозрения[1]

«Народ непременно должен иметь ясное понятие о литературных памятниках и источниках, которые влияли на образование его идей и представлений».
Чт. в Общ. люб. древн. российских

I

Тридцать лет назад, когда у нас много писали о женском вопросе, не раз было упоминаемо, будто в России репутации женщин был нанесен большой вред житийными сказаниями, которым верили наши предки. Там будто женщины постоянно выставляются соблазнительницами, стремившимися удалить мужчин от возвышенных задач жизни и погрузить их в жизнь чувственную и безрассудную. Некоторыми, более горячими, чем основательными друзьями женского вопроса было выхвачено несколько примеров в этом роде, и те примеры, принятые без критики, до сей поры остаются в непререкаемом значении убедительных фактов. Между тем, на самом деле, *это есть ложь,* и в этом может убедиться всякий, кто пожелает познакомиться с женскими типами Пролога.

Это здесь и предлагается.

Разбирая Пролог, как повествовательный источник, я нашел в нем ровно *сто* тем или «прилогов», которые дают более или менее пригодный материал для воспроизведения в повествовательном или пластическом искусстве, а из этих ста историй – в тридцати пяти участвуют женщины.

Год по Прологу начинался с 1 сентября, в первое соблазнительное дело описано под 5-м числом сентября.

1) «По диаволю злохитрству, впаде в блуд некий епископ». Об этом никто не знал в его пастве, но епископ был человек искренний и сам не мог снести своего греха; он пришел в церковь, снял с себя омофор и, став предо всеми на колени, начал каяться, «глаголя: отселе не могу быть вам епископ».

Словом, – он принес публичное покаяние в блудном грехе, после чего его надо было «извергнуть»; но как эгот епископ был человек очень добрый и люди его любили, то им стало жаль потерять его, и потому «возопиша вси люди с плачем: грех твой на нас буди».

Епископ отговаривался, но народ настаивал, на своем. Тогда растроганный епископ, заливаясь слезами, потребовал себе от людей наказания, а те на это согласились, лишь бы он у них остался. Но вот епископ лег на пол у дверного порога и просил, чтобы каждый мирянин, выходя из церкви, толкнул его презрительно ногой. Люди его послушались и стали его толкать, и когда последний человек, выходя из церкви, наступил на согрешившего архиерея, тогда только епископ встал, поклонился вышедшим чрез двери людям и остался служить у них епископом, и люди не чувствовали в этом смущения, ибо все были вверены, что грех его прощен ради его искренности и смирения. «Зане запну его ногой своею» и та, которая была его соучастницей в грехе.

2) *Сентября* /5. Одного молодого пустынника страшно мучили любовные мечтания. Он пошел к старцу Пахому и просил у него совета: как ему от этого избавиться. «Он же (то есть старец) рече: не дивися делу сему: аз бо многажды обретахся в сицевых. Се бо видяши

мя человека уже стара суща и дряхла, яко уже четыредесять лет сижу в хижине и токмо и пекуся о едином своем спасении, и уже тольми ветх сый, а и до днешнего дне еще не свободен».

3) *Октября 29.* Старец Авраамий «сочетался с женой», но потом, когда вник в семейную жизнь, то она ему не понравилась – он нашел, что домом жить очень хлопотно и беспокойно, и вообще это гораздо труднее отшельничества, к которому он уже привык. Тогда Авраамий опять оставил жену и, «отшед, затворился в мале хлевине». Теперь ему не о ком было заботиться; но когда Авраамий просидел в затворе девять лет, умер его брат и оставил семилетнюю дочку. Волей-неволей Авраамию пришлось взять племянницу на свое попечение. Авраамий вышел из «хлевины», сделал тут же рядом другую такую же «хлевинку» и замуровал туда дитя. Девочка прожила замурованная в затворе на глазах у дяди тринадцать лет и никаких дурных примеров не видала, но когда пошел ей двадцатый год, «она завистию бесовскою впала в падение». Неизвестно, как она, замурованная, чрез оконце «познакомилась с блудницами», выкарабкалась из затвора и ушла с этими своими знакомками в такую «гостиницу», где собирались в досужное время военные люди. Военные же люди в той стране так любили женское общество, что везде подманивали к себе девиц, а обратно получить от них девушку было уже очень трудно. Они отпускали женщину разве только тогда, когда она им надокучит и они сами ее прогонят. Старец их усовещевал и кричал на них и угрожал им из своего затвора, но военные смеялись, и его молоденькой затворницы ему не отдали, а увели ее и не возвращали. Зная это, старец Авраамий обратился к хитрости, которою и достиг желанного успеха. В один день он сам вышел из своего затвора, достал себе верхового коня, добыл воинские доспехи, «во образ воинский оболкся» и поехал верхом в ту же самую гостиницу, где веселились с женщинами военные, к которым ушла из затвора его племянница. Переодетый воином, затворник держал себя в гостинице так искусно, что никто его не узнал, и даже не заподозрил, что это затворник, а все сочли его за настоящего военного. Даже и племянница его не узнала, а он, увидя это, сам притворился разбитным гулякой и стал звать не узнающую его девушку, чтобы она шла с ним отсюда препроводить дальнейшее время, за что Авраамий обещал ей дать по обычаю «дар». Молодая девушка, еще недавно только пустившаяся в гулевую жизнь, ничего хитростного не подозревала и ушла с Авраамием из гостиницы, в полном убеждении, что ей сопутствует настоящий воин. А когда они остались вдвоем, тогда Авраамий ей себя обнаружил и укорил ее и уж на свободу не выпустил, а посадил опять «в малу хлевину», где она, после долгих стенаний и плача, «покаялась, а послежди, чудеса творяше, скоро почила».

4) *Октября 29.* Была женщина Анна, которой хотелось спасти себя, живучи в мужских монастырях. Она назвала себя Ефимьяном и стала жить с монахами. Бороды у нее не росло, но это никого не соблазняло: монахи все думали, что Ефимьян – скопец, и нимало этим не смущались. Но один из монахов того монастыря на свое несчастие был «воображенник». Ему непременно хотелось дознаться: отчего у Ефимьяна не растет борода? К этому еще прибавилось и искушение: невдалеке от их монастыря жила женщина, которая знала тайну Ефимьяна и притом была болтлива; она сказала «воображеннику»:

– Это не скопец, а *жена-бесстрастница?*

(Сказавшая сама сейчас же и исчезла.)

А «воображеннику» с этой поры вступило в голову во что бы то ни стало «подсмотреть Ефимьяна».

Он об этом и начал стараться, «тщашася низринути Ефимьяна» и «сотвори сие, но бысть божественною силой до полу-сух». Анна же «бежаше от соблазнения, имея с собой точию два монаха».

5) *Февраля 9.* Брат некий жил в ските, не видя и одной женщины, но враг «вложи ему в память некие жены прекрасны». Воспоминание о женской красоте ужасно беспокоило

скитника. Один раз пришел к нему другой брат и начал рассказывать, чту случилось в мире нового, и упомянул, что красавица, которая нравилась брату, умерла. Тогда этот несчастный, как дождался ночи, взял свой «лентий» и побежал к тому месту, где, по рассказу, похоронили красавицу. Тут он разрыл ее могилу, открыл гроб и «потре гной ее лентием и возвратися, имея при себе смрад той». И это его исцелило. Когда ему приходию на ум, как эта женщина была прекрасна, он доставал этот «смрад» и, «полагая его пред собой», говорил: «вот то, что от всякой красоты остается».

6) *Марта 18.* Данило Египтянин исцелял женщин от неплодства. Один молодой муж пришел к нему с просьбой, чтоб он посетил его дом и помолился над его женой, которая не рождает. Старец пошел по приглашению мужа, и с того случая молодая женщина «Богу изволившу зачать во чреве». Муж был очень рад и доволен, но соседи стали смеяться ему и говорить, будто все чудо в том заключается, что жена его естественно затяжелела от старца Данилы. Когда это дошло до Данилы, он позвал к себе смущенного молодого супруга и сказал ему: когда у тебя родится дитя, собери всех родственников на обед, и я тогда тоже приду к тебе, и все дело разъяснится. Молодой человек так и сделал, как сказал ему помогательный старец: на двадцатый день по разрешении беременности его жены он собрал к себе всех родных и знакомых. Пришел и Даниил, и когда все сели за стол, старец взял на руки новорожденное дитя и спросил его: «Кто твой отец?» Двадцатидневное дитя протянуло ручку и, указывая пальчиком на молодого супруга, проговорило: «вот кто».

7) *Марта 17.* Два брата жили в пустыне и, сильно между собою подружившись, дали обет никогда не оставлять друг друга, не точию в жизни, но и по смерти.

Но вдруг один из них «нача ратоваться от беса». Бес навел на него такую неодолимую скуку, что обуеваемый «не возмог стерпеть» и сказал брату своему: «Отпусти меня в людное место; я не могу здесь терпеть – хочу жить, как все, и веселиться».

Благоразумный брат употребил все усилия уговорить несчастного, чтоб он возобладал над страстью и не губил стольких лет прожитой в чистоте жизни, но тот никак не мог совладать с собою и стоял на своем, что ему надо уйти веселиться.

– Но как же мне быть в таком случае? – спросил благоразумный брат: – Ведь вот ты помнишь, я дал обет никогда с тобою не расставаться!.. Как же мне быть теперь, когда ты стремишься к распутству, в которое я себя допустить не желаю?

– А уж мне до этого теперь никакой заботы нет, – отвечал страстью уязвленный брат. – Поступай, как знаешь, но я ни для чего остановиться не могу: я как сказал, так и пойду искать утешительной жизни, а ты оставайся в пустыне, но впрочем, – добавил он, – если ты хочешь при мне быть, то пожалуй иди со мною в город и повеселимся вместе. А может быть мне там и недолго понравится, и я скоро очувствуюсь – тогда, может быть, я и возвращусь с тобою опять сюда же.

Благоразумный брат подумал: что за несчастие с человеком содеялось? Совсем омрачен он, и можно ли отпустить его одного в таком омрачении? Один он непременно попадет в компанию распутников, сродную нынешнему его одержимому настроению, и он к ним так прилепится, что погибнет невозвратно, а надо лучше не выпускать его из глаз и ждать в нем перемены от времени.

– Да, – рассудил благоразумный, – пусть лучше я сам приближусь к соблазну, но не оставлю человека совсем ослабевшего. Нет, не покину его, – пойду с ним и буду ждать, когда ум и чувства его опять придут в светлое состояние.

Встал благоразумный брат и пошел в город вместе с страстным братом.

Идти им было трудно, ибо путь был не мал, а страстный «бежа скоро», и как пришел в город, – сейчас же «скочи в ограждение садовное», откуда неслися «плесканья и песни» и виделись женские лица и плещи. А благоразумный брат сел на пыльной дорожке пред

этим «ограждением», набрал горстями земляной пыли, зарыдал и стал насыпать себе пыль на голову.

Люди, проходя, спрашивали его: о чем он плачет? А он им отвечал по правде: «Любимый брат мой, долго живший чистою жизнью, вошел вот туда, в садовное ограждение». Люди над ним смеялись, говорили: «Что же тебе? Иди и ты туда же и повеселись там вместе со всеми с нами». И сами туда же входили, а благоразумный брат все сидел в пыли и все плакал.

Так прошла целая ночь, а брат, «вскочивший в ограждение», все еще не выходил оттуда, пока на небе засветился новый день, и тогда вывалила из «ограждения» большая толпа мужчин и все шумели и ссорились, и в их-то беспорядочном обществе находился страстный брат, с бледным лицом, помятыми волосами и угасшим взором. И чуть только страстный брат вышел, – благоразумный брат вскочил и бросился к нему с радостью и заговорил:

– Для чего ты так долго там оставался! насилу я тебя дождался! Хорошо, что ты наконец вышел: конечно, ты видишь теперь, как это гадко, и может тебя погубить. Пойдем скорее отсюда назад в нашу пустыню!

– Ах, отстань ты пожалуйста! – отвечал страстный брат. – Это совсем не так гадко, как ты воображаешь. Мне там, напротив, очень понравилось, и я ни за что теперь не пойду в пустыню, а ты, если хочешь, уходи. Я тебе не препятствую.

Как благоразумный брат ни уговаривал страстного – все оказалось безуспешно: страстному так понравилось в «ограждении садовнем», что он совсем пришел в исступление и уже не боялся ни суда божия, ни вечных мук, и ни за что не хотел возвращаться с благоразумным в пустыню. Он слушал благоразумного молча, а сам в себе только и помышлял о том, чтобы как-нибудь поскорее скоротать день, а потом опять попасть в ограждение, об удовольствиях которого он чем больше думал, тем большую к ним чувствовал несытость.

Видя такое страшное исступление несчастного, благоразумный брат перестал его и уговаривать идти в пустыню, но опять стал вопрошать самого себя: можно ли ему оставить друга и брата в таком неистовстве? и, обдумав дело с разных сторон, благоразумный брат увидал, что тот без него тут и погибнет в беспутстве, и решил сам с ним оставаться, пока над тем пройдет это «обладание».

Но чтобы жить в городе и при том еще веселиться в «ограждении», надо было иметь деньги, а у пустынных братьев запасных денег не было, и вот они стали оба наниматься на работы. И оба работали во всю силу, как благоразумный, так и страстный, а вечером страстный брат забирал себе и свой заработок, и заработок своего благоразумного брата и ночью все это истрачивал на свои удовольствия в «ограждении». Благоразумный же брат не жалел этого и о деньгах своих со страстным не спорил; но он жалел его, что тот так нравственно пал и всякий день все глубже и глубже погружается в смрадное болото порока, о котором благоразумный брат сам не имел никакого познания и изумлялся силе греха, так страшно возобладавшего над братом. Но при всем этом он верил, что любовь его как-нибудь спасет одержимого, и когда страстный входил в «ограждение», благоразумный садился при дорожке против этого «ограждения», насыпал себе на голову дорожной пыли и горестно плакал. Страстный это видел, но не останавливался и скорой стопою уходил внутрь «ограждения».

Так каждую ночь – один гулял, а другой оплакивал его безумие.

Днем братья между собою уже не говорили, а становились на работу молча и уходили молча, и благоразумный брат никогда более не укорял страстного. И это, наконец, так тронуло страстника, что тот однажды бросился благоразумному в ноги и воскликнул:

– Брат мой любимый! Ты уязвил своим терпением душу мою! Возьми меня в свою власть и сделай со мною, что хочешь! Я не хочу оставаться таким, каким сделался, но не могу собой править.

Тогда благоразумный брат сейчас же поступил, как почитал за лучшее: он взял страстного прямо от ворот «ограждения», где с тем произошел спасительный перелом, и увел его из города в пустыню и «тако приобрел себе брата своего».

Видев же безумную страстность несчастного, благоразумный брат и в пустыне не оставил его на жертву его собственной воле, а заключил его в тесную пещерку, где тот через малое время много преуспел и скончался.

8) *Апреля 15.* Два монаха, живя вместе, вдруг оба наскучили одиночеством и пошли в город. Там они сейчас же взяли себе двух женщин и устроились так, чтобы жить с этими подружиями, а обеты свои оставили. Но скоро они увидали, что жить с женщинами совсем не гак легко, как они ожидали, а что это довольно хлопотливо, что женщины требуют себе того и другого, и по добру хороших внушении не слушаются, а надо их много усовещмать и понуждать к покорности, а через то от совместного сожительства с ними получается не столько удовольствия и радостей, сколько беспрестанных досаждений. Монахи нашли, что им не совладать с семейным житьем, и опять сговорились друг с другом покинуть взятых женщин и убегала от них назад в монастырь и там рассказали про все, что с ними было во время их блуждения, и принесли покаяние. Старшие их приняли и посадили в затвор и оставили каяться, а когда минуло время их наказания, то пришли на них посмотреть и увидели, что заключение оказало на них совершенно различное влияние: один согрешивший монах весь исхудал и истомился, а другой, напротив, был телом бодр и лицом весел. Спросили исхудавшего: «что тебе бысть?» Он отвечал: «Кость моя прильне к гортани, егда вспоминаю, чту сотворих». Тогда спросили о том же бодрого, а тот отвечал: «Я все радуюсь, от какой беды меня Господь спас».

Старцы обсудили оба ответа и нашли, что «оба брата пришли равно в хорошее понятие».

9) *Мая1*. Два брата, живучи в ските, занимались искусным рукоделием и один раз, наготовив работ, пошли оба в город, чтобы продать свои произведения. Тут они, как только вступили в городские ворота, сейчас же и разошлись в разные стороны; один пошел в улицу, которая шла от ворот направо, а другой – в улицу, которая шла влево. И весь день они друг друга не видели. Когда же настало уговоренное время, чтоб им сойтись в условленном месте и идти назад в скит, брат, пошедший влево, сказал другому, пошедшему вправо:

– Знаешь ли, со мною случилось нечто такое, после чего я уже не могу идти назад в скит.

– Что же это такое с тобою случилось? – вопросил второй брат.

– А то, что когда мы с тобою расстались, то я встретил очень красивую женщину и поддался соблазнительному влечению, и вот мой обет целомудрия мною нарушен.

– Это очень дурно, – отвечал другой брат, – но уж если это случилось, то тем скорее должно тебе спешить отсюда в нашу пустыню.

– Нет, брат возлюбленный, – отвечал падший: – я уже не решусь теперь оскорбить наше чистое жилище своим присутствием.

Брат же, ходивший в улицу направо, еще настойчивее звал его скорее идти в пустыню и сам тянул его за руку, но падший не шел и отвечал:

– Нет, тебе самому будет тяжело со мною. Ты – чистый.

Тогда второй брат «помысли мало и отвеща»:

– Не сокрушайся о том, что мне будет тяжело в твоем присутствии, ибо когда мы с тобою сегодня расстались и ты пошел налево, а я понес свои рукоделья направо, то со мною в правой стороне города случилось как раз то же самое, что случилось с тобой в левой.

Тогда первый брат ободрился и воскликнул:

– Значит, мы равны!

– Да, оба мы равны, ибо оба пали.

– Что же мы теперь сотворим далее?

– Пойдем оба, как равные, вместе в свой скит и оба вместе покаемся старцам.

– А что же нам будет от старцев?

– А уж чту будет, то будет одинаково, что одному, то и другому. Не робей – перенесем вместе по заслугам нашим, а как я старше тебя, то верно мне сделают наказание строжайшее, а тебя, младшего, – накажут полегче.

Брат, ходивший влево, «умилился» и пошел в скит. Там с ними вышло, как говорил второй брат, который собственно не был грешен, но только сказал на себя грех для того, чтобы поддержать дух падшего брата, и тем не допустил его до отчаяния.

10) *Мая 21.* Один брат вышел из скита на реку, чтобы почерпнуть воды, и вдруг заметил гам на берегу «жену перущу ризы», то есть прачку, моющую одежды, и «прилучися брату пасти с нею». По совершении же этого греха, брат зачерпнул воды и понес водонос в скит свой, но его облепили бесы и стали кричать ему в уши: «Чего идешь в скит! Тебе там теперь уж не место; оставайся теперь с прачкой!»

Брат этим очень смутился, но сейчас же понял, что бесы этак хотят совсем отбить его от пути спасения, и сказал.

– Чего вы ко мне вяжетесь и для чего мне досаждаете! Я не хочу отчаиваться.

И с тем он пришел в свою келью и «безмолвствовал», но согрешение его открылось одному старцу. Тогда брат покаялся и рассказал, что он скрывал свой грех, боясь, как бы не впасть в отчаяние. Старец похвалил его «рассуждение».

11) *Мая 24.* Один старец, проведя всю жизнь в ските, пошел раз в Александрию продать свое рукоделие и там увидел, как один монах входит в корчму. Пустынник сел против двери, в которую вошел александрийский монах, и стал дожидаться, пока тот выйдет. Когда же монах через некоторое время показался на пороге, скитник бросился к нему, обхватил его руками и, удерживая его, стал говорить:

– Чту ты, несчастный, делаешь! Или ты не ведаешь, что носишь ангельский чин! Зачем же ты лезешь во вражьи сети, для чего входишь в корчемницу, где сходятся неподобные мужи и женщины! Молю тебя, беги к нам в пустыню, – там ты спасешься.

Молодой же городской монах отвел руки скитника и сказал ему:

– Иди себе, калугере, – Бог ничего не ищет, кроме чистого сердца.

Старец «воздвиг руки к небу» и сказал: «Я в пустыне не стяжал чистого сердца, а сей ходящий в корчемницы стяжал».

13) *Июня 3.* Встретил отец Пафнутий в пустыне нагого человека, закрывавшегося своими волосами, и стал его расспрашивать об его прежнем житье. Нагой человек сказал, что он жил сначала в монастыре и был ткачом, но наконец ему не понравилось жить в монастыре, а вздумалось, что лучше жить одному: «я так и сделал, и стал работать и жил очень хорошо»; но это шло только «пока позавидовал мне дьявол. Попросила меня одна черноризица устроить ей полотно. Я сделал. Она попросила устроить другое. Я сделал и другое, и яко уже свычай ми бысть с нею и час с часу дерзновение большее, то она заченши родила беззаконие». Тогда нашло на него раскаяние, и он, бросив черноризицу, бежал в пустыню, где Пафнутий и встретил его нагого.

Пафнутий с ним разговорился и спросил:

– Что же, я думаю, сначала-то тебе здесь и тяжело было?

– «Вельми изнемогах, – отвечал нагой, – и лежах в пещере в тузе и в страсти». – Опять хотелось ему возвратиться «к черноризице», но «пришел некий муж, как бы ножом изрезал всю мою утробу, очистил ее и опять вложил, и руками замазал, – и с той поры туга и страсть остависта мя».

13) *Июня 20.* Жил в дальней пустыне один благочестивый старец и имел близкую родственницу, оставшуюся в мире. Долго они не видались, но вдруг этой женщине как-то соску-

чилось и захотелось сходить навестить своего родственника. При этом женщина не имела никакого дурного умысла, а только хотела узнать чисто по-родственному: жив ли пустынник, или он уже умер; если же он жив, то она хотела побеседовать с ним о божественном и чем-нибудь послужить ему по силам своим. Плутала она долго по пустыне, пока встретила «камиларя», или пастуха, который пас верблюдов. Женщина рассказала ему, кого она ищет. Пастух верблюжий знал пустынника и показал ей, как найти его пещерку, которая была тут же неподалеку. Женщина разыскала своего родственника– Он ее уже не мог узнать, но она сказала ему, что «сродница твоя есмь». Тогда пустынник ее принял. Потом они стали с ним беседовать, но «егда прииде ночь», то старец «преступи с ней свой обет целомудрия». Это сейчас сделалось извесио необычайным случаем. В этой же самой пустыне, на некотором расстоянии, жил другой старец, который ни мало не интересовался тем, чту произошло у соседнего старца но он пошел почерпнуть воды, и только что погрузил свою чашу в воду, как «чаша перевернулась». Старец удивился: потому что до этого случая чаша у него никогда не переворачивалась. Он второй раз зачерпнул чашу, но чуть ее поставил, как она опять перевернулась.

Тогда пустынник подумал:

«Верно это по усмотрению Божию».

А так как он в одиночестве никак не мог себе разъяснить, к чему ему давалось такое знамение то он, не теряя времени, пошел к другому пустыннику, спасавшемуся в той же пустыне, но в другом месте.

«Пойду и расскажу ему, – думал старец, – и вдвоем с ним мы это лучше обсудим».

А старец, к которому он собирался идти, как раз и бил тот самый, у которого в это время гостила родственница.

Пошел к нему пустынник на совещание но в один день не дошел, а заночевал дорогой под стенами идольского капища и тут обо всем узнал. Случилось так, что в этом капище именно в ту ночь собрались бесы и в чрезвычайной радости завели шумное торжество, и стали хвастать, что соблазнили одного известного и опытного пустынника, причем не раз называли соблазненного и по имени.

Это был как раз тот, к кому шел путешествующий. Но путник хотя и смутился этим, однако все-таки пришел. к тому, который пал во грехе с родственницей, и, поздоровавшись, спросил у него: «Чту убо сотворю, отче, – егда наполню чашу мою водой и она во время снедения превращается?»

А тот посмотрел на него и вместо ответа сам предложил вопрос: «А чту убо аз сотворю, яко аз впадох в блуд?»

– Да, я это уже знаю, – отвечал гость: – я слышал об этом «в церкви идольстей».

Тогда преступивший обет целомудрия старец, как только услыхал, что о нем даже дьяволы говорят, вскочил и отчаянно закричал:

– Ну, если это так, то тогда уж все равно – я брошу пустыню и пойду в мир!

Но тот брат, у которого чаша переворачивалась, отговорил его от этого, а присоветовал прогнать только от себя родственницу.

«Старец послушался и исправил житие свое».

14) *Июня 27.* Отцы Даниил и Палладий, придя в Александрию, встретили молодого монаха, выходящего из бань. Им это показалось подозрительно и непристойно, и они ему это сказали, а тот, вместо того, чтобы покаяться, отвечал им: «не судите и не судимы будете». Старцы попросили у него прощения, но скорбели о нем потому, что видели, как около него вертятся два мурина. Спустя же некоторое время они узнали, что этот молодой красавец-монах пришел в Александрию из Константинополя и вступил в связь «с женой эпарха», а слуги эпарха изловили его и, желая сделать евнухом, так его изуродовали, что он чрез три дня умер «и бысть всем мнихом поругание и урок».

15) *Июля 22.* Жил в одном ските многолетний старец и ослабел силами. Труд, который он до сего времени исполнял, пришлось разложить на других. Это старика очень стесняло, и чтобы не есть даром хлеба, он решился уйти в Египет. Там же жил с ним в ските другой старец Моисей, который ранее бывал в Египте и вообще был человек очень опытный; он сказал старцу: «не ходи в Египет, – там много женщин, и ты соблазнишься».

А старец этому не поверил и даже обиделся.

– Что ты мне несообразное говоришь! – возразил оя Моисею. – Ты бы должен постыдиться даже вспоминать мне об этом! Или ты не видишь, как я стар, и все тело мое уже одряхлело и умерло!

Моисей же все стоял на своем и говорил, что как человек ни будь стар, но пока он жив, ему, все равно, не безопасно побывать в Египте.

Старец так рассердился, что назвал Моисея нескромным и соблазнительным, а сам сейчас же встал и ушел от него в Египет. Слава же этого старца была столь велика, что его уже и в Египте знали, и об его замечательной жизни рассказывали друг другу. А потому, как только старец появился в Египте, так и стали приходить к нему разные люди за духовными наставлениями и исцелениями. И сначала все шло очень хорошо, но один раз «прииде также по вере Божий послужити ему и некая дева». Она была чем-то неисцелимо больна, «но по лете единем старец исцели ее и впад с нею в грех и она явися непраздна». Люди, приходящие к старцу, стали замечать особенное положение девушки и начали говорить об этом различно. «А простая же чадь прямо вопроси ее: откуду се имаши?» Девушка отвечала им: «от старца». Одни ей верили, а другие не верили, ибо «бе той старец вельми многолетен». Но старец, услыхав эти разногласия, сам подтвердил слова девушки. Он сказал: «се аз сотворих сие, и вы сохраните отроча рождающееся». «И ради просьбы его бысть родшееся отроча отдоено». Спустя же некоторое время в ските был праздник и собралось много народа, и тогда посреди толпы вдруг появился оный старец, «нося на раме своем отроча отдоенное», и вошел в церковь и, оборотясь к скитникам, сказал: «Видите ли это дитя? Это есть плод моего непослушания. Берегите себя от этого, потому что ежели такое дело могло случиться со мною, при моей старости, то тем легче это может случиться со всяким в молодости».

«И видевшие это все заплакали».

16) *Июля 25.* В одном египетском монастыре был знаменитый, «славный» дьякон. Случилось, что местный князь той страны преследовал одного простолюдина, у которого была очень красивая жена. Преследуемый, укрываясь от князя, прибежал с семьей в монастырь, чтобы здесь сохранили его жену от страстных преследований неистового князя. Монахи приютили супругов, но муж от этого ничего не выиграл, ибо тут «удариста во дьякона неприязненные силы вражия», и с женой простолюдина таки случилось то самое, чем угрожало ей неистовство князя. Дьякон, заменивший князя, был изобличен и пристыжен, и его определили «погребсти живого в темницу», и так и сделали. Дьякон долго оставался замурованный, но в крае том настала продолжительная засуха, и сколько ни молились о ниспослании с неба дождя, – дождя все не было. Тогда явлено было одному старцу, что надо «извести наружу и поставить к служению сокрытого славного дьякона». Сделали по этому внушению, и когда размуровали затвор «и дьякон изшед и вземши сан свой» начал молебствовать – «сошел дождь на землю»

17) *Августа 12.* В царствование Леона, царя константинопольского, жил один очень славный и богатый человек, который при том был и чрезвычайно добр, но в то же время был и большой грешник. Он имел неодолимое влечение к красе женщин и находился в постоянном с ними обращении, и так к этому привык, что каков был смолоду – точно таким же оставался и в старости, – «занеже устареся в нем той злой обычай». В таком страстном обдержании этот именитый и добрый человек и умер. При погребении его у патриарха Гермогена и епископов, а также и у мирских знатных лиц в Византии возникло огромное недоумение:

как почитать этого усопшего, за праведника или за грешника, и в каком месте он должен быть помещен после смерти, то есть в раю ли с праведниками, – чего он был достоин по свойствам своей доброй души, или в аду с грешниками, куда ему следовало идти за свой любострастный «обычай». Долго об этом рассуждали важнейшие духовные люди в Византии и никак не могли придти к решению. Тогда захотели вопросить Небо, и патриарх Гермоген повелел всем монастырям и затворникам молиться, чтобы «явлено было о человеке сем пользы ради человеческие». И Небо ответило: открыто было некоторому затворнику следующее: «видел он. *местонекое,* имущее одесную рай, а ошую езеро огненное, и между ближнего рая и страшного пламени стояше привязан умерший муж и зле стенаше, позирая на рай. А ангел господен говорил ему: „напрасно, человече, стонеши, ибо ради милосердия твоего избавлен еси от муки, – за скверну же любострастия лишен рая“».

Преследованное нами в семнадцати «прилогах» ясно показывает, что из тридцати пяти случаев, где имеет место любовный соблазн, – в семнадцати случаях женщины Пролога не обнаруживают никакого обольстительного коварства для совращения мужчин, а, напротив, мужчины сами увлекаются в эту сторону с чрезвычайною неразборчивостью и легкостью.

Этим кончается первая категория женских лиц, за которою следуют другие, представляющие собою характеры более сложные и более интересные.

II

Прямыми соблазнительницами женщины Пролога являются в следующих историях:

18) (1) *Октября 7.* В Александрии был славный художник, делавший необыкновенно изящные вещи из серебра и золота. Его звали Зенон (в Прологе он называется «златокэзнец»). Он был потаенный христианин. По художеству его ему нигде не было равного. Самые именитые женщины роскошного города наперебой непременно хотели иметь украшения, сделанные этим искусным мастером, а Зенон не успевал исполнять всех делаемых ему заказов. Богатые щеголихи Александрии шли наперебой одна перед другой и платили очень дорого, чтобы перещеголять друг друга, но только и это не помогало. Тогда в Александрию приехала из Антиохии одна молодая красавица, необычайно своенравного и настойчивого характера. Она имела привычку ни пред чем не останавливаться для достижения своей самомалейшей цели, а цель ее в Александрии была превзойти здесь своею пышностью всех александрийских женщин. Имя ее было Нефорис или Нефора. Вся Антиохия знала ее как самую первую красавицу, затмевавшую собою всех иных в роще Дафны. Она захотела во что бы то ни стало иметь «головную утварь на красоту своего тела» и не послала звать к себе художника, потому что знала, что Зенон откажется, а она взяла золото и драгоценные камни и сама пошла к нему и стала его «умолять» сделать для нее такое головное украшение, которое как можно более шло бы к ней и еще сильнее возвысило «красоту ее изящного тела».

Зенон, удаляясь от шума, жил за городом в красивой местности, до которой было довольно далеко. Нефора шла сначала тенистою аллеей, по которой ей встречались рабы, несшие в паланкинах женщин, и с грохотом проезжали колесницы на конях с подстриженными гривами, потом путь становился безлюднее и тише. От аллеи начинались мелкие свертки по тропинкам в удолья, утонувшие в рощах. У одного из этих свертков под ветвистым деревом сидел старик и кормил своего верблюда. Нефора спросила его, где живет Зенон златокузнец. Он ей указал на поляну, где зрели ароматные дыни, меж сирени, жасминов и роз, а сзади катился ручей и за ним в чаще кустов стоял белый домик. Вокруг было тихо – только черные дрозды сидели на белом карнизе и пели. Дверей не было видно. Нефора ударила три раза в стену – и перед ней раздвинулась панель и ее встретил Зенон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.